

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

DOI: 10.15838/sa.2022.4.36.4
УДК 316.023.6 | ББК 60.542.15

© Уксусов М.А.

МОЛОДЕЖЬ АРКТИКИ – КАТЕГОРИЯ ДИСКУРСА, СТАТИСТИКИ И ИДЕНТИЧНОСТИ

МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ УКСУСОВ

Мурманский арктический государственный университет
Мурманск, Российская Федерация
e-mail: mixail9693@mail.ru
ORCID: [0000-0001-5749-8258](https://orcid.org/0000-0001-5749-8258); ResearcherID: [A-9861-2019](https://orcid.org/A-9861-2019)

Феномен молодежи Арктики в последнее время обращает на себя все более пристальное внимание всего циркумполярного мира, что находит отражение в продвижении различных инициатив и проектов по развитию молодежного потенциала и человеческого капитала в северных широтах. Одной из последних подобных инициатив стало включение тематического кластера «Молодежь Арктики» в программу председательства России в Арктическом совете в 2021–2023 гг. Тем не менее социальные реалии в форме миграционных, профессиональных и ценностных установок молодежи Арктики свидетельствуют о не всегда эффективной реализации данных инициатив. Причиной этому может стать отсутствие понимания, что из себя представляет молодежь Арктики и каким образом можно целенаправленно и содержательно реализовать политику и мероприятия по социальной поддержке молодежи в заполярье. Исследование посвящено логико-философской систематизации знаний о молодежи Арктики и информации из дискурс-анализа преимущественно академических источников по соответствующей теме в форме разработки категории молодежи Арктики как социально-групповой общности средствами системно-категориальной методологии. Делается вывод о целесообразности рассмотрения феномена молодежи Арктики с точки зрения социально-групповой общности в противовес демографической категории, выявляется внутреннее противоречие формирования категории молодежи Арктики как социально-групповой общности, формулируется содержание модели и соответствующее понятие категории данной социально-групповой общности. Исследование представляет собой первую в мировой практике попытку широко и целостно осознать социальную категорию молодежи Арктики и впервые применяет к ее изучению системно-категориальные методы анализа. Молодежь, Арктика, молодежь Арктики, социально-групповая общность, общество, понятие, социальная группа, системно-категориальная методология.

Благодарность

Автор статьи выражает благодарность Министерству иностранных дел Российской Федерации и лично Послу по особым поручениям, Председателю Комитета старших должностных лиц Арктического совета, члену Оргкомитета по подготовке и обеспечению председательства России в Арктическом совете Н.В. Корчунову за поддержку в проведении исследования. При реализации исследовательского проекта использовались средства поддержки, выделенные АНО «Экспертный Центр ПОРА».

Введение

Современная постоянно ускоряющаяся динамика социума находит отражение в постоянном появлении новых социально-групповых обществ, категорий и конструктов, которые становятся результатами преобразования теоретических представлений в устойчивые формы поведения (Ильин, 2022), объективно существуют и представляют собой «добавленную стоимость» для общества. Однако некоторые из подобных новообразований не всегда теоретически осмыслены в качестве модели (в частности, в форме определения), что обосновывает необходимость актуализации теоретических обоснований изучения тех или иных категорий и понятий, ассоциированных с социально-групповыми общностями.

Среди подобных относительно новых и спорных категорий можно назвать «молодежь Арктики» или «арктическую молодежь» (термин зачастую используется как в отечественных, так и западных информационных ресурсах и переводится по-разному). Данная социально-групповая общность уже не раз изучалась исследователями всего (преимущественно циркумполярного) мира, но, тем не менее, не была каким-то образом концептуализирована. На первый взгляд, определение молодежи Арктики может показаться самим собой разумеющимся: молодые люди, проживающие на территории Арктики, – категория исключительно демографическая (количе-

ственная, статистическая), нежели социально-групповая (качественная). Однако в связи с глобальным распространением неолиберальных идей, а также различными трактовками данной категории в работах разных авторов и в различных стратегических документах возникает вопрос, каким параметрам или характеристикам должен соответствовать человек, по праву принадлежащий к категории молодежи Арктики, и насколько эта категория является естественной общностью, а не конструктом, сформированным социально-экономической повесткой Арктики и агентами, управляющими данной повесткой. Указанный вопрос, а также отсутствие теоретического осмысления молодежи Арктики как категории и социального феномена актуализируют необходимость четко «очертить» границы (если таковое вообще возможно ввиду социальной подвижности) категории молодежи Арктики в рамках функционирования в качестве именно социально-групповой общности с целью последующего эффективного поддержания и продвижения инициатив по развитию соответствующей проблематики (человеческий капитал, миграционные установки, вопросы трудоустройства и образования и т. д.).

Разумеется, молодые люди всегда существовали как демографическая категория и присутствовали на арктических территориях как в составе коренного населения, так и среди людей, мигрировавших из более южных регионов и участвовавших в хозяйственном и промышленном освоении Арктики. Тем не менее само понятие «молодежь Арктики» стало наиболее актуальным в последние годы, во-первых, из-за того что молодежь, проживающая на территории Арктики, стала, по всей видимости, обладать некоторыми уникальными или категоризирующими характеристиками (идентичностью, определенными жизненными стратегиями, миграционными и профессиональными установками и т. д., что более подробно описано в работах, рассмотренных далее); во-вторых, в связи с актуальностью

вопросов устойчивого развития Арктики, неотъемлемым аспектом которых является социальная составляющая (человеческий капитал), в частности профессиональный и креативный потенциал молодежи¹.

Соответственно, цель данного исследования – сформулировать понятие молодежи Арктики как социально групповой общности на основе разработанной модели.

Методология

В целях формулировки определения категории «молодежь Арктики» представляется возможным обратиться к статистическому и дискурс-анализу академической литературы по данной теме с последующим структурированием полученной информации с помощью системно-категориальной методологии, в частности формально-логического определения понятия (рис. 1).

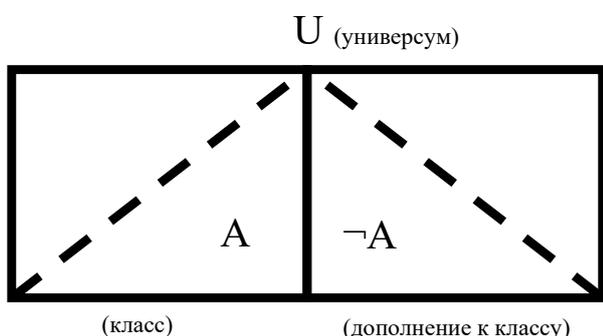

Рис. 1. Метод «Формально-логическое определение понятия»

Источник: Боуш Г.Д., Разумов В.И. (2020). Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях): учебник. Москва: Научно-изд. центр ИНФРА-М. 227 с.

Кроме того, при выявлении содержательных противоречий элементов, определяющих сущность категории, дополнительно может быть задействован системно-гомеостатический метод универсальной схемы противоречия, позволяющий опи-

сать гомеостаз системы как базовый функциональный процесс внутри категории (рис. 2).

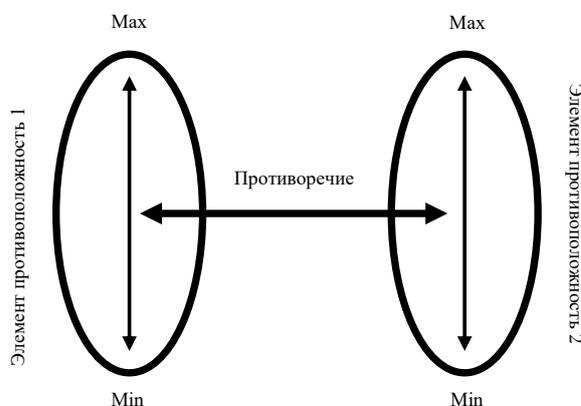

Рис. 2. Метод «Универсальная схема противоречия»

Источник: Боуш Г.Д., Разумов В.И. (2020). Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях): учебник. Москва: Научно-изд. центр ИНФРА-М. 227 с.

Ход исследования

Тема молодежи Арктики в последнее время стала наиболее актуальной ввиду как выделения отдельной «смысловой» категории, так и роста актуальности вопросов, связанных с данной категорией. Последний факт подтверждается растущей динамикой количества публикаций, прямо или опосредованно затрагивающих тему арктической молодежи по данным русско- и англоязычной версии поискового сервиса текстов научных публикаций Google Академия (по поисковому запросу «молодежь Арктики» и «Arctic Youth» от 20.04.2022 за пятилетние периоды без лимитирующих кавычек; табл. 1).

Кроме того, еще одним свидетельством более пристального внимания к молодежи Арктики как отдельно взятой социально-групповой общности является тот факт, что в российских, зарубежных и международных стратегических документах она начинает фиксироваться как субъект и объект социально-экономических процессов

¹ United Nations (2018). Department of Economic and Social Affairs. World youth report: Youth and the 2030 agenda for sustainable development. United Nations Publications.

Таблица 1. Количество публикаций по данным Google Академия, ед.

Годы	Ресурсы на русском языке	Ресурсы на английском языке
2017–2021	14400	19800
2012–2016	8360	18000
2007–2011	2690	15000

Источники: составлено автором.

и интересов вне зависимости от непосредственного названия или формулировки содержания данной категории. Так, например, среди инициатив, ассоциированных с работой Арктического совета, стоит отметить: 1) включение тематического кластера «Arctic Youth» в приоритеты председательства Российской Федерации в Арктическом совете в 2021–2023 гг.² и соответствующего блока мероприятий как отдельно по теме молодежи Арктики, так и в рамках мероприятий более широкого или специализированного профиля; 2) разработку «Стратегии вовлечения арктической молодежи» рабочей группы по сохранению арктической флоры и фауны³; 3) работу молодежной сети постоянных членов Арктического совета⁴; 4) пункт 4.6 стратегического плана Арктического совета, делающий акцент на поддержке и развитии

потенциала молодежи Арктики⁵; 5) решение 10 «Рейкьявикской Декларации», описывающее необходимость поддержки международного диалога Арктической молодежи⁶; 6) проекты и мероприятия под руководством постоянных членов (например, Arctic Leaders' Youth Summit с соответствующей декларацией молодежных лидеров Арктики) и Рабочей группы по устойчивому развитию (например, «Thematic Discussion on Youth Engagement in the Arctic Council»⁷, «Arctic Indigenous Youth, Climate Change and Food Culture»⁸) и т. д. Прочими международными практиками продвижения повестки, связанной с категорией «арктическая молодежь», можно назвать Арктическую молодежную сеть, Университет Арктики, Саамский молодежный совет, молодежный совет Баренцева региона, молодежный

² Programme of the Russian Federation's 2021 to 2023 Chairmanship of the Arctic Council. Arctic Council. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/2645> (accessed 07.05.2022).

³ CAFF Arctic Youth Engagement Strategy: 2021–2026. Conservation of Arctic Flora and Fauna International Secretariat: Akureyri, Iceland.

⁴ Arctic Indigenous Youth. Arctic Peoples – Indigenous Peoples' Secretariat. URL: <https://www.arcticpeoples.com/youth#pp-youth-network> (accessed 07.05.2022).

⁵ Arctic Council Strategic Plan. Arctic Council. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/2601> (accessed 07.05.2022).

⁶ Reykjavik declaration (2021). Arctic Council. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/2600> (accessed 07.05.2022).

⁷ SDWG Plenary Thematic Discussion on Youth Engagement in the Arctic Council. Arctic Council. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/2438> (accessed 07.05.2022).

⁸ Arctic Indigenous Youth, Climate Change and Food Culture (EALLU) II. Arctic Council. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/2485> (accessed 07.05.2022).

Северный Форум, ассоциацию молодых ученых Арктики и т. д.

Таким образом, мы можем констатировать, что понятие молодежи Арктики присутствует в академическом, политическом, экономическом, а также медийном (в пресс-релизах различных тематических мероприятий, инициатив и научных исследований) дискурсах, из которых, тем не менее, не вполне понятно само содержание данной категории как социально-групповой общности (в противовес понятию исключительно демографическому). Именно поэтому для формулировки понятия молодежи Арктики как социально-групповой общности необходимо определиться с базовыми элементами содержания данной категории, которая предположительно формируется не только под влиянием объективных факторов и параметров (возраст, место проживания, наличие общей идентичности), но отчасти является производной от аспектов развития социально-экономической повестки Арктики и ее «нужд».

Прежде всего, для того чтобы определить искомую категорию (А – Класс объектов), необходимо уточнить, к какому множеству элементов (U – Универсуму) относится данное определяемое понятие.

Сам термин «социально-групповая общность» хотя и общеизвестен, но не очень распространен в академической литературе непосредственно в данной формулировке (по поисковому запросу «социально-групповая общность» на платформе Google Академия с лимитирующими кавычками от 25.04.2022 возвращено только 18 источников, опубликованных за все время) и, судя по всему, является обобщающим термином для таких во многом синонимичных, взаимозаменяемых и взаимоперекрывающихся понятий, как «социальная группа», «групповая общность» и т. д.

При этом стоит отметить, что достаточно затруднительно отнести искомое понятие к категории социальной группы, малой или большой. С одной стороны, в отличие от классического понимания малой социальной группы общность молодежи Арктики явно

более многочисленна, ее представители наверняка не обладают общими целями, не формируют контактную группу, не действуют как функции и не имеют внутренней иерархии и лидерства (Сидоренков, Сидоренкова 2016). С другой стороны, молодежь Арктики одновременно обладает некоторыми характеристиками и в то же время лишена некоторых признаков, присущих большим группам. Во-первых, это многотысячная группа людей с заранее неопределенным качественным и количественным составом, но основанная на демографическом признаке, статистические показатели которого примерно одинаковы во всех регионах мировой Арктики: среднее и медианное значение процента населения в возрасте от 15 до 34 лет в общем составе населения территорий Арктики составляет 24,27 и 24,14% соответственно (стандартное отклонение – 1,93%), а общие показатели колеблются в диапазоне от 20 до 27% (табл. 2, 3).

Во-вторых, эта группа предположительно обладает особенностями и признаками общности поведения и психологического склада, которые, тем не менее, маловероятно являются: 1) типичными и всеобъемлющими для молодого населения всей Арктики (реализованные изыскания основывались на анализе групп людей из отдельных территорий циркумполярного региона); 2) уникальными непосредственно для молодежи Арктики (на данный момент нет достоверного компаративного анализа развития упомянутых качеств у молодых людей Арктики и иных территориальных образований, а также в сравнении между коренной и некоренной молодежью); 3) основополагающими для самоидентификации представителей категории как молодежи Арктики, что предполагает осознание отличий своей группы от других социально-групповых общностей.

Однако подобная критика и пробелы в теоретическом осознании категории «молодежь Арктики» не дают основания не считать ее реальной социально-групповой общностью, потому что, как уже было упомянуто выше, признаки категоризации все же присутствуют, а сама молодежь Арктики становится фокусом внимания различных

Таблица 2. Количество молодежи в некоторых арктических регионах по странам на 1 января 2020 года, тыс. чел. / чел. на 1 тыс. чел. населения

Страна	15–19 лет	20–24 лет	25–29 лет	30–34 лет	Всего (15–34 лет)
Россия*	137,46/54,98	124,18/49,67	146,34/58,54	211,68/84,67	619,66/247,86
Финляндия**	39,08/59,21	37,95/57,50	39,96/60,55	38,40/58,18	155,39/235,44
Швеция***	27,89/53,63	32,93/63,33	37,30/71,73	33,56/64,54	131,68/253,23
Норвегия****	28,97/60,35	32,15/66,98	33,38/69,54	30,80/64,17	125,30/261,04
Канада*****	4,55/41,36	7,78/70,73	8,52/77,45	9,16/83,27	30,01/272,82

* Территории Архангельской области, Чукотского автономного округа, Республики Коми, Красноярского края, Мурманской области, Ненецкого автономного округа, Республики Карелии, Республики Саха (Якутии), Ямало-Ненецкого автономного округа.

** Территории областей Кайнуу, Северная Остроботния и провинции Лапландия.

*** Территории лен Норботтен и Вастерботтен.

**** Территории фюльке Нурланн, Тромс и Финнмарк.

***** Регионы Северо-Западных территорий, Нунавут, Юкон.

Источник: Arctic Demography Index. Business Index North. URL: <https://businessindexnorth.com/Home> (accessed 07.05.2022).

Таблица 3. Количество молодежи в Арктической зоне Российской Федерации на 1 января 2021 года, тыс. чел. / чел. на 1 тыс. чел. населения

Регион	15–19 лет	20–24 лет	25–29 лет	30–34 лет	Всего (15–34 лет)
Мурманская обл.*	39,68/52,07	38,50/50,51	41,58/54,55	62,40/81,88	182,16/239,00
Ненецкий АО*	2,77/62,40	2,39/53,91	2,30/51,72	3,26/73,37	10,72/241,41
Чукотский АО*	3,29/66,41	2,74/55,40	2,87/57,89	3,72/75,09	12,62/254,79
Ямало-Ненецкий АО*	40,70/74,41	28,20/51,55	32,30/59,05	45,80/83,73	147,00/268,74
Респ. Карелия**	5,84/52,50	4,92/44,22	5,56/50,01	8,41/75,57	24,73/222,30
Респ. Коми**	8,36/54,78	7,00/45,89	8,15/53,44	11,19/73,35	34,70/227,46
Архангельская обл.**	35,10/53,54	30,57/46,63	33,30/50,80	48,46/73,92	147,43/224,88
Респ. Саха (Якутия)*	3,06/45,16	2,80/41,32	3,69/54,38	4,51/66,50	14,06/207,36
Красноярский край**	12,48/52,65	11,29/47,62	14,73/62,14	20,92/88,25	59,43/250,67

* По данным ежегодных сборников Территориальных органов Федеральной службы государственной статистики (по субъектам РФ).

** Приблизительный расчет на основе данных Территориальных органов Федеральной службы государственной статистики по субъектам РФ и численности населения Российской Федерации по муниципальным образованиям (по формуле «численность населения муниципальных образований», умноженная на «процентное соотношение численности населения соответствующей возрастной группы в общей численности населения субъекта РФ») для территорий, входящих в АЗРФ.

Источник: rosstat.gov.ru

тематических инициатив и мероприятий, формируется как самостоятельный концепт в различных дискурсах и разрабатывается как субъект и объект экономических процессов.

Именно поэтому представляется возможным в качестве Универсума для формально-логического определения категории молодежи Арктики использовать такое более общее и нейтральное понятие, как «социальная общность», которое в широком по-

нимании представляет собой «исторически сложившуюся, относительно устойчивую, большую совокупность людей, характеризующуюся пространственной разбросанностью, некоторыми общими чертами, образом жизни, родом деятельности и другими признаками» (Горохов, Васнева, 2014, с. 19), и отличается от социальной группы как минимум более «широкой» пространственной близостью, а также отсутствием у представителей общности устойчивых и единых це-

лей, системы ценностей и осознания своей принадлежности к группе. Такое видение фактически идеально подходит к определению категории молодежи Арктики, однако существует и множество других определений данного понятия, причем часть из них не позволяет однозначно соотнести Класс объектов с выбранным Универсумом по аналогии с понятием социальной группы ввиду различной трактовки понятия и включения дополнительных аспектов (наличие общей цели, общности взглядов и т. д.) (Быстрянец, 2015), что может быть более актуально для «подгрупп» молодежи Арктики (например, молодые семьи, молодые ученые, молодые предприниматели, студенты, молодые артисты и т. д., проживающие на территории Арктики).

Таким образом, терминологические противоречия, а также вышеизложенная критика позволяют сделать предположение о том, что молодежь Арктики на данный момент представляет собой не что иное, как целевую модель саморегулируемой формирующейся или формируемой для достижения целей устойчивого развития Арктики (о чем также будет говориться более детально ниже) социальной общности, что является атрибутом выбранного множества элементов (Универсума) и тем самым «оправдывает» отсутствие в настоящий момент таких, возможно, необходимых характеристик исковой общности, как единая цель и самосознание представителей категории.

Следующим этапом формально-логического определения понятия выступало выявление дополнения к Классу ($\neg A$): необходимо выделить совокупность объектов Универсума, не обладающих признаком(ами) Класса и не включенных в него, т. е. определить категорию людей, которых нельзя отнести к Классу молодежи Арктики.

Как уже было упомянуто выше, условиями отнесения объектов к Классу (т. е. ус-

ловиями, которым должны отвечать все без исключения элементы Класса) являются возрастная и территориальная характеристики. В данном случае возрастная характеристика, а именно понятие «молодежь», сама по себе является категорией и классом. Именно поэтому существует огромное количество подходов и работ, посвященных определению содержания, обоснованию соотношения возрастной периодизации с социокультурными, психофизиологическими и экономическими детерминантами, а также политическим и юридическим аспектами функционирования данной общности. С одной стороны, молодежь – социальная категория и/или общность, численно определяемая возрастом людей. Так, например, Организация Объединенных Наций отмечает, что само содержание термина «молодежь» может варьироваться в зависимости от конкретной окружающей политической, экономической и социокультурной среды, но, тем не менее, еще в 1985 году для статистических целей определила возрастные границы молодежи в диапазоне между 15–24 годами⁹ (Tuuskä, 2017). Всемирная организация здравоохранения использует термины «молодежь» и «молодые люди» как общее понятие для категорий людей в возрасте от 10 до 24 лет, а опрос членов Сообщества подросткового здоровья и медицины (Society for Adolescent Health and Medicine) из 10 стран показал, что молодежью в целом считаются люди от 15 до 24 (в некоторых случаях до 30 и 40) лет¹⁰ (Walker-Harding et al., 2017). В российской практике молодежью считаются люди от 14 до 35 лет¹¹ в рамках большинства категорий молодых людей (молодая семья, молодые предприниматели и т. д.), но для отдельных групп людей зачастую определяются иные рамки: так, федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России

⁹ Secretary-General's Report to the General Assembly (2001). Implementation of the World Programme of Action for Youth to the Year 2000 and Beyond.

¹⁰ Recognizing adolescence. World Health Organization. URL: <https://apps.who.int/adolescent/second-decade/section2/page1/recognizing-adolescence.html> (accessed 16.05.2022).

¹¹ О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ.

на 2014–2020 гг.»¹² и некоторые иные инициативы (например, Премия Правительства Москвы¹³) ограничивают возраст молодого доктора наук 40 годами аналогично возрастному цензу для членов Международной ассоциации молодых ученых¹⁴.

Все вышеперечисленные взгляды, рамки и соответствующие противоречия являются результатом такого аспекта понятия «молодежь», как его содержательное наполнение (в противовес формальному), под которым можно понимать «процесс(ы) постоянного накопления психофизиологических новообразований, освоение социального пространства и ролевого репертуара, рефлексию всех отношений в этом пространстве, определение в нем себя, собственной самоорганизации, которая происходит в постоянно расширяющихся контактах молодого человека с окружающими (младшими, сверстниками, старшими), взрослым сообществом в целом» (Белый, 2012, с. 157). Именно этот аспект является одновременно наиболее содержательно важным, так как именно процессы и формы социализации, сопряженные с прохождением этапов психолого-физиологического развития и формированием ценностных ориентаций у молодежи, представляют собой ресурс, потенциал и драйвер социальных изменений (Радченко, 2012; Усынина, 2013), и наименее поддающимся измерению и формализации (как «свойство человека, которое основывается не только на показателях биологического возраста как периода достижения половой зрелости, физической и психической сформированности» (Загребин, 2014, с. 4) в рамках «тезаурусной концепции»), что необходимо для целенаправленной реализации политики поддержки и развития молодежи, особенно в Арктике. Таким образом, к определению

молодежи можно подходить с самых разных сторон. Неопровержимым остается лишь тот факт, что молодежь (в частности молодежь Арктики) – это во многом не только формальная возрастная категория, но и продукт исторического процесса, политики, экономики и научного дискурса.

С точки зрения территориального расселения данной группы людей стоит обратиться к интерпретации термина «Арктика» в различных работах и ресурсах, так как это понятие также неоднозначно и характеризуется различными коннотациями и спецификой развития семантики (Сперанская и др., 2018). Согласно данным Рабочей группы по сохранению арктической флоры и фауны (CAFF) Арктического совета, территория Арктики может быть объективно очерчена как географической широтой Полярного круга (66°33'), что является одним из наиболее распространенных определений Арктики (а также перекликается с такими понятиями, как «заполярье», «северные широты», «крайний север», «циркумполярный регион», «бореальный регион» и т. д.¹⁵), так и распространением вечной и «сезонной» мерзлоты, кривой постоянной температуры июля менее 10 °С и фитогеографическими параметрами (рис. 3), определяющими распространение типичной для Арктики флоры или линию роста деревьев.

С другой стороны, арктический дискурс не ограничивается биолого-географическими понятиями. Так, например, в период с января 2015 года по май 2022 года в международной базе научного цитирования Web of Science было проиндексировано 29929 статей (уникальные записи), написанных учеными из стран Арктического совета и его наблюдателей по теме Арктики. Количество авторских ключевых слов в общем объеме со-

¹² О федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2014–2020 годы и внесении изменений в федеральную целевую программу «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы: Постановление Правительства РФ от 21 мая 2013 г. № 424.

¹³ Порядок извещения «О проведении конкурса на соискание премий Правительства Москвы молодым ученым за 2022 год» // Премия Правительства Москвы молодым ученым. URL: <https://nauka.mos.ru/Извещение%20о%20проведении%20конкурса.pdf> (дата обращения 16.05.2022).

¹⁴ WAYS. World Association of Young Scientists. URL: <https://www.facebook.com/WAYSscience> (дата обращения 16.05.2022).

¹⁵ Hardcastle K. (2011). Module 1: Introduction to the Circumpolar North. Saskatchewan: University of the Arctic. URL: <https://members.uarctic.org/participate/circumpolar-studies/course-materials>

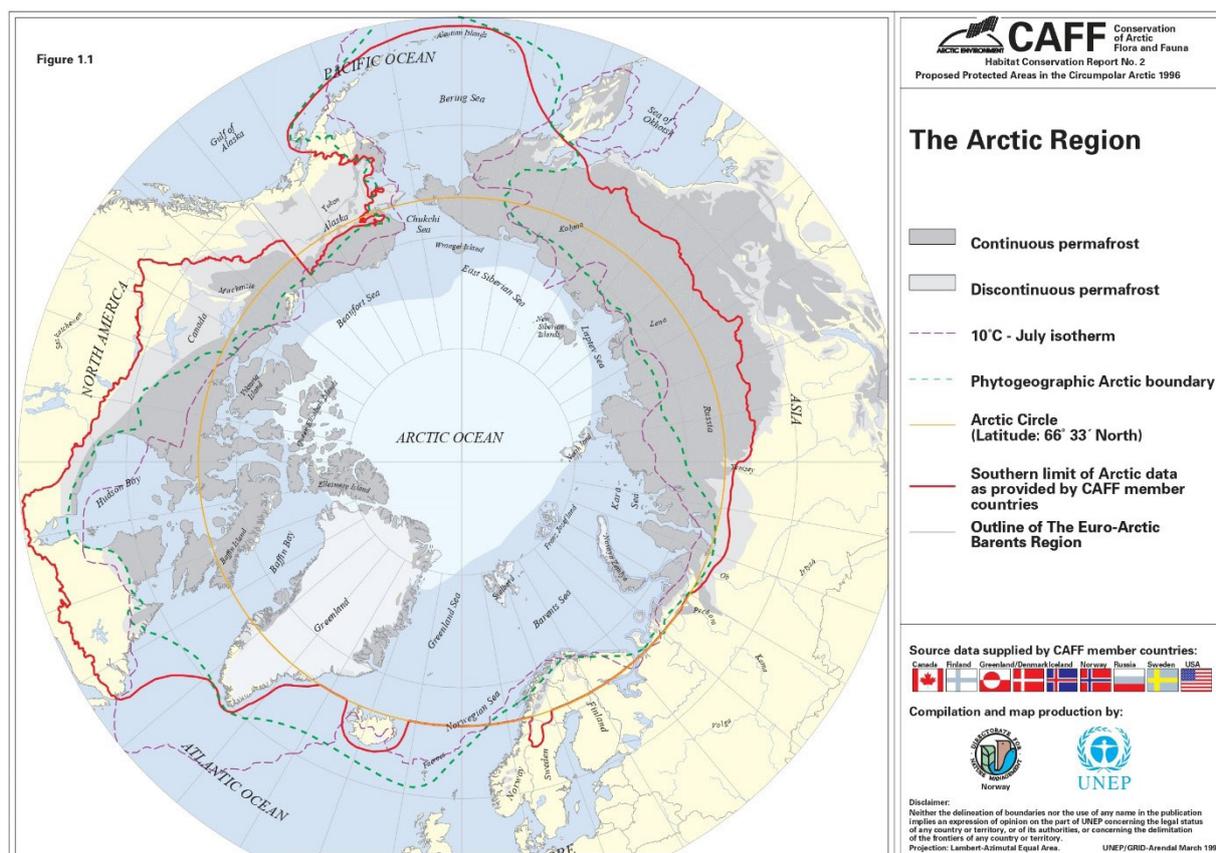

Рис. 3. Схема Арктического региона Рабочей группы по сохранению арктической флоры и фауны (CAFF) Арктического совета

Источник: Conservation of Arctic Flora and Fauna Working Group (1996). CAFF Map No.11. The Arctic Region. Arctic Council. URL: <http://library.arcticportal.org/id/eprint/1331>

ставило 123994 (от 0 до 95 на каждую статью), 123071 из них ассоциированы со статьями, количество ключевых слов в которых – от 1 до 14 (диапазон 3 стандартных отклонений от среднего) и 49364 из которых являются уникальными. По меньшей мере, 30% от массива наиболее популярных ключевых слов (381 наблюдение – автоматически рассчитанная статистическая выборка) не относятся к понятиям, категоризирующим Арктику как исключительно территориально-природное и климатическое понятие: indigenous peoples, sustainable development, community structure, mining, fisheries, governance, Sami, tourism, transport и т. д. Они хотя и не являются доминантами дискурса и представляют собой производные характеристики от территориальных понятий, но, тем не менее, обуславливают наличие добавленных смыслов к понятию Арктики и становятся причинами формирования встречающихся в сред-

ствах массовой информации таких понятий, как «арктическая политика», а в научной академической среде – «арктические дела» (Харлампьева, 2014, с. 7). Именно это приводит к формированию образа Арктики не только как целостного физического региона планеты, но и как экономической, политической, социальной и культурной сущности (Han et al., 2020; Strandsbjerg, 2012).

Подобное восприятие как раз и стало причиной развития таких институтов, как Арктический совет (и многих его проектов, например, Рабочей группы по устойчивому развитию и т. д.) и прочих политико-экономических инициатив в виде Арктических стратегий и государственных программ по развитию арктических территорий. Данные инициативы географически расширяют понятие Арктики как по причине управленческих и логистических возможностей решения вызовов, ассоциированных с развитием

Арктики, так и ввиду возможных непосредственных эффектов, созданных данными вызовами и распространяющихся на более южные территории (по отношению к формальным границам Арктики). Например, Арктическая зона Российской Федерации включает следующие сухопутные территории: Мурманская область, Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, части Республики Карелии, Республики Коми, Республики Саха (Якутия), Красноярского края и Архангельской области)¹⁶. Часть из них лежит за пределами формальных границ Арктики, определяемых полярным кругом или линией роста деревьев.

Как мы можем наблюдать, обе категории, «молодежь» и «Арктика», не являются однозначными дефинициями и обладают дуальными характеристиками: с одной стороны, существуют объективные «исчисляемые» параметры, определяющие границы обоих классов, с другой стороны, есть также и содержательный аспект, который будучи более смысловым, тем не менее размывает границы однозначного понимания терминов, что приводит к всевозможным разночтениям и интерпретациям понятий, как следствие, к неопределенности в формировании стратегий поддержки и продвижения инициатив, направленных на развитие территорий. Данный факт и спорность трактовок осложняют формулировку дополнения к Классу (–А) и актуализируют привлечение некоего агента «арбитража» данного дуализма. Под агентом в данном случае стоит понимать силу, стимулирующую формирование самостоятельной категории молодежи Арктики и задающую ее целевую модель, причем самоидентификация как важнейший акт формирования общности (Kinket, Verkuyten, 1997) в этом контексте играет небольшую роль ввиду того, что, как мы уже упоминали, молодежь Арктики является развивающейся общностью и вряд ли в данный момент может обладать настолько ярко выраженной идентичностью, чтобы член общества мог

себя с ней ассоциировать и отличаться от иных общностей. Именно поэтому возможно в качестве стимулирующей силы представить социально-экономическую потребность региона в эффектах от присутствия молодежного потенциала на заданной территории. Так, например, в зависимости от данных потребностей формулировки классов «молодежь» и «Арктика» будут различаться во всевозможных установках (в программных документах, конкурсной документации грантов, стратегических инициативах и т. д.). Иными словами, бенефициары, предоставляющие ресурсы для развития территорий, вправе при необходимости самостоятельно определять границы классов «молодежи» и «Арктики», исходя из конкретных потребностей и прагматического потенциала функционирования какой-либо из категорий. Данный факт может показаться самым собой разумеющимся, однако, он необходим для исключения разночтения дополнения к Классу.

Единственным аспектом, требующим однозначного определения, является форма связи между данными элементами дополнения к Классу, а именно формат присутствия молодежи в Арктике. Представляется, что наиболее логичная форма именно постоянное проживание, так как, в противовес вахтовому методу и потенциальному переселению из южных регионов, «...северные жители – гарант национальной безопасности страны. Их присутствие на Крайнем Севере обеспечивает России уверенность в своей способности осуществлять контроль над этими обширными территориями. Кроме того, более 2,5 млн местного населения российской Арктики обладают уникальным опытом выживания в условиях сурового климата» (Максимова, 2020, с. 34). Помимо прочего, данный постулат также нашел практическое отражение в развитии целого стратегического плана и медийного бренда одного из арктических регионов России (Мурманской области) «На севере жить», который стал широко известен далеко за пре-

¹⁶ О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июля 2020 г. № 193-ФЗ (ред. от 02.07.2021).

делами региона и проиллюстрировал необходимость в постоянном присутствии людей в Арктике. Таким образом, во-первых, мы видим, что и в данной ситуации «арбитром» возможных разночтений выступает потребность территории в человеческих ресурсах, о которых говорилось выше, во-вторых, категория молодежи Арктики является не только самостоятельной общностью, но отчасти и социальным конструктом. Стоит отметить, что понятие «постоянное проживание» также довольно относительное, так как может быть ассоциировано с формальной процедурой регистрации по месту жительства, в то время как реальное место проживания человека может отличаться от места регистрации. Такие аспекты уже более детальные, требуют дополнительного исследования и представляют собой избыточное осложнение формулировки дополнения к Классу.

Все вышеизложенное позволяет нам интерпретировать дополнение к Классу ($\sim A$) и, следовательно, обозначить необходимые условия, которым должны отвечать все без исключения элементы Класса (объекты) и некоторые из элементов Дополнения. В совокупности с выявленным Универсумом «молодежь Арктики» как социально-групповую категорию возможно описать следующим образом: это социальная общность, состоящая из молодых людей (чьи границы возраста определяются прагматическим потенциалом их присутствия), постоянно проживающих на территории Арктики (границы которой также дополнительно определяются бенефициарами в соответствии с прагматическими аспектами). Данная трактовка по содержанию громоздка и перекликается с классической демографической категорией молодежи Арктики, но уже имеет аспекты, с одной стороны, дающие более точное определение, а с другой – отражающие ее «двойственность» с позиций ее формирования и развития как категории. Тем не менее данное определение не является полным ввиду того, что в формулировке отсутствуют качественные характеристики класса: демографические параметры представляют собой необходи-

мое, но недостаточное условие отнесения классов к объекту.

Отличие необходимого условия отнесения к Классу от достаточного заключается в том, что достаточному условию отвечают некоторые или все элементы Класса, но ни один из элементов Дополнения. Таким образом, требуется понять, кто из представителей социума, формально попадающий под характеристики «молодежь» и «постоянное проживание в Арктике», не будет считаться объектом выведенной нами социально-групповой категории (общности) «молодежь Арктики».

Для определения данных характеристик обратимся к системно-гомеостатическому методу универсальной схемы противоречия. Этот метод подразумевает, что если в объекте можно выделить два элемента, которые отличаются как минимум по 1 признаку, то можно предположить наличие противоречия между этими элементами. Данное противоречие элементов (гомеостатов) может являться основой жизнеспособности (гомеостаза) внутренней среды системы или категории, так как оно отвечает за перераспределение ресурсов в зависимости от фазового сдвига состояния гомеостатов в пределах их диапазонов, а также за устойчивость системы (так как самостоятельно гомеостаты не могут быть устойчивыми вне системы противоположностей).

В случае с развитием категории молодежи Арктики как социально-групповой общности подобными противоположными элементами (гомеостатами), состоящими в отношениях противоречия, являются процессы естественного формирования и целенаправленного конструирования категории, о которых уже не раз было упомянуто выше. Эти процессы отличаются по признаку направленности, конкурируют за базовый ресурс (которым может выступать степень развития устойчивости местной социально-экономической и культурной повестки), а также не могут по отдельности обеспечить устойчивость системы (категории) молодежи Арктики как социально-групповой общности. Рассмотрение качественных аспектов противоречия подобных элементов предва-

ряет создание формально-логической и математической теорий противоречия, что и обуславливает необходимость более детального рассмотрения гомеостатов (Элементов противоречия).

Как уже было отмечено, для существования социальной общности необходимо наличие изначально присущих общим черт у представителей искомой общности (Элемент противоположность 1). В нашем случае помимо возраста и территориального расселения категории молодежь Арктики обладает следующими характеристиками: высокая степень привязанности к «малой родине» и северный романтизм, сопряженные с низкой оценкой уровня качества жизни (с точки зрения профессиональной и творческой самореализации, а также в плане потребления) (Васильева, 2018; Гущина, 2018; Недосека, Шарова, 2020; Филиппова, 2020a; Филиппова, 2020b; Rozanova-Smith, 2021), устойчивые миграционные установки на смену места жительства (Степуть, Симакова, 2018; Симакова, 2019; Недосека, Шарова, 2020; Филиппова, 2020a; Филиппова, 2020b; Karlsdóttir, Jungsberg, 2015), более высокая степень значимости северной и региональной идентичности у молодежи коренных народов и национальных меньшинств в сравнении с русскими и смешанными этносами, у которых преобладает гражданская идентичность (Осипова, Маклашова, 2015), активность жизненной позиции и амбициозность наряду с противоречивостью ценностных (в частности образовательных и профессиональных) ориентаций (Баишева, 2017), преобладание интеграционной стратегии аккультурации у молодежи (Осипова, 2014), преобладание традиционного ценностного ядра (семья, здоровье, дружба, любовь, материальное благополучие) у молодежи, которое слабо соотносится с социальной действительностью Арктики (Васильева, 2018); стремление к постоянной территориальной мобильности как средству самореализации и компенсации продовольственной ограниченности (Karlsdóttir, Jungsberg, 2015; Bolotova et al., 2017), активное использование социальных сетей в личных и

профессиональных (образовательных) целях, озабоченность экологической повесткой, недовольство политической системой (Karlsdóttir, Jungsberg, 2015; Rozanova-Smith, 2021), использование локальных социально и культурно значимых ресурсов в кризисные периоды (Ulturgasheva et al., 2014), относительно высокие показатели актов суицида (в особенности у коренной молодежи), аддикций и девиантного поведения (Козлов, Рытова, 2014; Васильева, 2018; Lehti, 2009; Larsen, Fondahl, 2015).

Данные результаты хотя и представляют собой некоторые выводы о наличии общих черт у представителей молодежи Арктики, но не могут быть включены в достаточное дополнение к Классу, так как: 1) не могут быть экстраполированы на всю социальную общность ввиду отсутствия массовых международных и кросс-региональных сравнительных исследований; 2) не являются исключительно характеризующими молодежь Арктики и, с определенной долей вероятности, присущи группам людей, как не считающихся молодежью, так и не проживающих в Арктике. Кроме того, как отмечают исследователи, данных выводов не может быть достаточно для выявления какой-либо определенной идентичности, так как у молодежи в целом отсутствует общее разделяемое видение Арктики (Karlsdóttir, Jungsberg, 2015), а «арктическая идентичность <...> не сформирована или сформирована частично» (Филиппова, 2020a) ввиду плохо развитой информационной основы в сознании молодежи на предмет содержания арктической проблематики (Филиппова, 2020b) (если такая и какая-либо идентичность вообще возможна ввиду восприимчивости молодых людей к «новым формам напряжения» и «специфики своего культурно-исторического положения и особенностей социализации, обусловленных социокультурными трансформациями конца XX – начала XXI вв.» (Голенкова, Хагуров, 2022, с. 294). Несмотря на это, перечисленные аспекты Элемента противоположности 1 являются необходимыми для гомеостаза категории молодежи Арктики, так как без них, во-первых, кате-

гория не сформируется как социально-групповая общность (а останется исключительно демографическим понятием), и, во-вторых, именно они являются «якорями», на которые направлены процессы, происходящие в Элементе противоположности 2 (формирование категории) и перераспределение базового ресурса. Именно поэтому необходимо дополнительно рассмотреть и второй гомеостат с целью поиска необходимого дополнения к Классу.

Неоднократно упоминалось, что в настоящее время категория молодежи Арктики претерпевает переход от понятия количественного (демографического) к качественному (социально-групповому). Во многом это обусловлено академическим, политическим, экономическим и медийным дискурсами. Так, например, с точки зрения качественных характеристик категория молодежи Арктики продвигается как трудовой ресурс (наиболее часто встречаемая характеристика) (Иванова, 2016; Иванова, 2017; Симакова, 2019; Филиппова, 2020a; Филиппова, 2020b; Недосека, Шарова, 2020; Оглезнева, 2022), драйвер диверсификации экономики Арктики (Козлов, Рытова, 2014; Баишева, 2017), агент экологического развития Арктики и политической повестки (Стаценко, 2017; Уткова, 2020; Larsen, Fondahl, 2015; Nilsson et al., 2021), драйвер креативной экономики, инноваций и развития социокультурного ландшафта Арктики (Романова, 2015; Желнина, Терещенко, 2019; Лукина, 2019; Гуляева, 2019; Блинникова, 2020; Jokela et al., 2021), а также как агент народной дипломатии и мягкой силы в северных широтах (Кузнецов и др., 2017; Кирсанов, Попова, 2020; Киргизов-Барский, 2021) и т. д. Все данные направления деятельности фигурируют в рабочих документах Арктического совета (см. выше), а также в иных международных и национальных стратегических инициативах и повестке тематических мероприятий по развитию молодежной проблематики на севере.

Под всеми перечисленными характеристиками можно условно понимать включенность молодежи в развитие экологической,

социальной и экономической повестки Арктики, реализацию своего потенциала в рамках данных направлений и способствование развитию позитивного образа Арктики, что представляет собой цель функционирования Элемента противоположности 2, без которой категория молодежи Арктики как социально-групповой общности попросту потеряет свой смысл. Именно этот аспект, принадлежащий ко второму гомеостату, и может являться основой достаточного условия, которое, в совокупности с аспектами необходимого условия, не будет встречаться ни в одном из элементов дополнения к Классу. Из этого следует, что молодые люди, проживающие на территории Арктики, но при этом абсолютно никаким образом не мыслящие себя как часть арктической повестки, вне зависимости от формулировок и вербальных (визуальных) репрезентаций (что в целом достаточно сложно представить ввиду того, что каждый индивид представляет собой какую-либо ценность для окружающего его общества) не будут относиться к качественной категории молодежи Арктики как социально-групповой общности, а только как к количественной демографической категории. Данное утверждение является достаточно спорным и может быть подвергнуто критике ввиду своей «неинклюзивности» по содержанию. Кроме того, включение аспекта именно Элемента противоположности 2 (формирование категории) в достаточное условие определения понятия создает впечатление, что молодежь Арктики – это искусственный конструкт, что в целом не является обосновательным по причине того, что категории не хватает отличительной внутренней идентичности. Для смягчения данного конфликта представляется необходимым все-таки включить в схему формально-логического понятия аспект первого гомеостата, который бы уравновешивал и дополнял противоположный эффект от Элемента противоположности 2. Таким аспектом может стать идентичность, основанная на осознании различных аспектов арктической проблематики в сравнении с другими территориями, а также на понима-

нии ее роли в глобальной повестке. Как уже было упомянуто, подобная идентичность не сформирована, но, тем не менее, «осознание идентичности местного жителя...» позволит сформировать такую группу людей, которая «сможет составить будущее профессиональное сообщество в Арктике» (Филиппова, 2020, с. 277), что еще раз подтверждает тот факт, что молодежь Арктики как социально-групповая общность – это пока еще формирующаяся категория и ее же целевая модель. Именно два вышеописанных аспекта гомеостаза категории молодежи Арктики и могут лечь в основу достаточного условия отнесения к Классу и сформулировать такой возможно необходимый аспект социальной общности, как наличие общей цели и задач у представителей искомой категории.

Результаты и обсуждение

Таким образом, суммируя все вышеизложенные умозаключения, мы можем сделать вывод о том, что модель категории молодежи Арктики (в качестве социально-групповой общности) будет представлена следующими элементами (табл. 4).

Данные элементы позволяют нам предпринять попытку сформулировать понятие категории молодежи Арктики (как социально-групповой общности): это целевая модель социальной общности, которая состоит из молодых людей, постоянно проживающих на территории Арктики (в пределах возрастных и территориальных границ, обоснованных прагматическим потенциалом функционирования данной общности), осознающих роль и специфику арктических территорий, а также стремящихся реализовать или уже реализующих себя в рамках продвижения и развития экологической, социальной и (или) экономической повестки Арктики. Выведенное понятие является более узким в сравнении с демографической категорией молодежи Арктики, но при этом более смысловым, что необходимо для целенаправленной и осознанной реализации мер по развитию арктических территорий, подразумевающих функциональное присутствие молодежи.

Также стоит обратить внимание на несколько вытекающих моментов: 1) данное понятие не предполагает дифференциацию между различными народностями и этноса-

Таблица 4. Элементы формально-логического определения понятия

№	Элемент		Формулировка	
1	Класс [объектов], А		Молодежь Арктики	
2	Универсум, U		Социальная общность	
	Аспект универсума		Целевая модель	
3	Дополнение [к классу], -А	Необходимое условие	Элемент 1	Возраст
			Аспект элемента 1	Границы обоснованы прагматическим потенциалом функционирования общности
			Элемент 2	Территория Арктики
			Аспект элемента 2	Границы обоснованы прагматическим потенциалом функционирования общности
		Аспект связи элементов	Постоянное проживание	
		Достаточное условие	Аспект элемента противоположности 1 гомеостаза	осознание различных аспектов Арктической специфики в сравнении с другими территориями, а также на понимании ее роли в глобальной повестке
Аспекты элемента противоположности 2 гомеостаза	Включенность в развитие экологической, социальной и экономической повестки Арктики. Реализация потенциала в рамках данных направлений. Способствование развитию позитивного образа Арктики			
Источник: составлено автором.				

ми, проживающими на территории Арктики, но не обесценивает важности идентичности каждой из них; 2) формулировка понятия явно намекает на то, что категория является по большей части результатом социального конструирования, что в целом не может быть характеризовано как негативный факт или как факт, обесценивающий изначально присущие молодым людям характеристики (что также нашло отражение в «прокламации» молодежного сообщества во время первого Саммита молодых лидеров Арктики в 2019 году – «Мы не только будущее, но и настоящее Арктики»¹⁷); 3) формулировка достаточного условия дополнения отчетливо отражает факт ассоциирования категории молодежи Арктики с такими понятиями, как «социальная активность» и «устойчивое развитие», что также необходимо подробнее рассмотреть с целью создания более

целостной репрезентации модели категории и ее функционирования. В дальнейшем при разработке исследуемой проблематики в отношении возраста и территориального расселения молодежи Арктики мы будем руководствоваться законодательством РФ и считать молодежью людей от 14 до 35 лет, проживающих на территории АЗРФ.

Из всего вышеизложенного можно заключить, что дополнительными результатами исследования выступают обоснование правомерности рассматривать молодежь Арктики как категорию и социально-групповую общность, а также описание внутреннего гомеостаза (противоречия) формирования общности в противовес категории исключительно демографической. Основным же результатом стало формулирование понятия категории молодежи Арктики как социально-групповой общности.

ЛИТЕРАТУРА

- Баишева С.М. (2017). Трудовой потенциал и занятость молодежи Арктики: результаты полевых исследований // Северо-Восточный гуманитарный вестник. № 1. С. 39–46.
- Белый О.И. (2012). Определение понятия «молодежь» // Теория и практика общественного развития. № 12. С. 156–158.
- Блинникова О.Н. (2020). Инновационная деятельность – важное направление молодежной политики в развитии Арктического региона // Арктика: инновационные технологии, кадры, туризм. № 1. С. 538–540.
- Быстрянец С.Б. (2015). К определению дефиниции территориальная социальная общность // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. № 2 (24). С. 19–26.
- Васильева О.В. (2018). Ценности и жизненные стратегии молодежи Арктики (по материалам Республики Саха (Якутия)) // Арктика и Север в современных гуманитарных исследованиях: сборник научных статей. С. 86–94.
- Голенкова З.Т., Хагуров Т.А. (2022). Региональная молодежь в нелинейном глоболокальном социуме: новые формы социального напряжения // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер.: Социология. Т. 22. № 2. С. 291–305.
- Горохов В.Ф., Васнева Н.Н. (2014). О соотношении категорий «социальная общность» и «социальная группа» // Вестник Тамбовского ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. № 4 (132). С. 12–21.
- Гуляева Н.С. (2019). Содействие трудоустройству молодежи на местном уровне в условиях развития креативных индустрий // Исследование современных проблем общества в контексте задач социальной работы и социальной безопасности. С. 202–205.
- Гущина И.А. (2018). Социальное самочувствие молодежи арктического региона как показатель устойчивого развития территориального сообщества // Экономика и управление: проблемы, решения. Т. 6. № 9. С. 20–27.
- Желнина З.Ю., Терещенко Н.В. (2019). Мотивация и культурные стереотипы как факторы развития арктического туризма // Общество: философия, история, культура. № 2 (58).

¹⁷ Arctic Indigenous Youth. Arctic Peoples – Indigenous Peoples’ Secretariat. URL: <https://www.arcticpeoples.com/youth#pp-youth-network> (accessed 07.05.2022).

- Загребин В.В. (2014). Подходы к определению категории «молодежь» // Концепт. № 2. С. 26–30.
- Иванова М.В. (2016). Актуальные вопросы формирования арктических трудовых ресурсов // Север и рынок: формирование экономического порядка. № 2. С. 46–61.
- Иванова М.В. (2017). Современные предпосылки будущего арктических трудовых ресурсов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6 (142). С. 180–198.
- Ильин В.И. (2004). Товар как социальный конструкт // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. № 2.
- Киргизов-Барский А.В. (2021). Проблемы международного сотрудничества в Арктике на современном этапе // Российская Арктика. № 2 (13). С. 118–128.
- Кирсанов К.А., Попова С.А. (2020). Арктика как территория суровых взаимодействий различных цивилизаций: проблемы конфронтации в условиях становления многополярного мира // Вестник Ин-та мировых цивилизаций. Т. 11. № 1. С. 36–40.
- Козлов А.В., Рытова Е.В. (2014). Роль малого бизнеса в социально-экономическом развитии Арктической зоны РФ // Стратегические приоритеты развития российской Арктики. С. 231–252.
- Кузнецов Г.С., Рогачев И.В., Шубин С.И. (2017). Молодежный форум «Модель Арктического совета» // Вестник Северного (Арктического) федерального ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. № 1. С. 146–151.
- Лукина В.Б. (2019). Формирование и поддержка развития творческой личности молодежи Арктики – государственная политика и потребность общества // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. № 2-2. С. 713–714.
- Максимова Д.Д. (2020). Устойчивое развитие Арктической зоны Российской Федерации: проблемы и перспективы // Арктика 2035: Актуальные вопросы, проблемы, решения. № 2. С. 30–37.
- Недосека Е.В., Шарова Е.Н. (2020). Особенности жизненных стратегий молодежи в условиях Арктики // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3 (157). С. 355–375.
- Оглезнева Т.Н. (2022). О перспективах подготовки квалифицированных трудовых ресурсов в арктических субъектах России // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. № 1 (27). С. 14–23.
- Осипова О.В. (2014). Аккультурационные стратегии молодежи Арктики // Северо-Восточный гуманитарный вестник. С. 54–59.
- Осипова О.В., Маклашова Е.Г. (2015). Идентичности молодежи Арктики // Социологические исследования. № 5. С. 139–144.
- Радченко А.Ф. (2012). Молодежь и ее возрастные границы // Социология власти. № 3. С. 19–29.
- Романова В.Ю. (2015). Инновационный потенциал молодежи Республики Саха (Якутия) // Проблемы современной экономики. № 26.
- Сидоренков А.В., Сидоренкова И.И. (2016). Понятие малой группы и команды // Лидерство и малая группа. С. 6–19.
- Симакова А.В. (2019). Миграционные намерения молодежи арктических промышленных городов // Перспективы социально-экономического развития приграничных регионов. Т. 26. С. 322.
- Сперанская Н.И., Яцевич О.Е., Ковалевская С.А. (2018). Кластер арктических терминов: от этимологии к семантике // Гуманитарные науки и образование. С. 162–167.
- Стаценко Е.Р. (2017). Молодежь Арктики: будущее, профессии, инициативы // Актуальные вопросы образования в XXI веке. С. 150–153.
- Степуть И.С., Симакова А.В. (2018). Миграционные потоки выпускников вузов для работы в Арктической зоне России: количественный и качественный аспекты // Региональная экономика: теория и практика. Т. 16. № 10 (457). С. 1872–1887.
- Усынина Н.И. (2013). Определение сущности понятия «молодежь» // Вестник Удмуртского ун-та. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. № 1. С. 26–28.
- Уткова М.А. (2020). Проектирование мероприятий системы эколого-экономической безопасности в развитии Арктического региона // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 3. С. 115–120.
- Филиппова Д.Н. (2020а). К вопросу арктической идентичности студентов университетов Арктики // Общество: социология, психология, педагогика. № 6. С. 73–79.

- Филиппова Д.Н. (2020b). Ценностное отношение к Арктике у студентов университетов Арктики // *Russian Economic Bulletin*. Т. 3. № 3. С. 274–279.
- Харламповева Н.К. (2014). Эволюция понятия «Арктика» // *Природные ресурсы Арктики и Субарктики*. № 3 (75). С. 5–8.
- Bolotova A., Karaseva A., Vasilyeva V. (2017). Mobility and sense of place among youth in the Russian Arctic. *Sibirica*, 16 (3), 77–123.
- Han J.M., Kim J.H., Yi J.H. (2020). Definition of Arctic Spaces Based on physical and human geographical division. *KMI International Journal of Maritime Affairs and Fisheries*, 12 (1), 1–16. DOI: 10.54007/ijmaf.2020.12.1.1
- Jokela T., Coutts G., Beer R. et al. (2021). The potential of art and design for renewable economies in the Arctic. *Renewable Economies in the Arctic*, 62–80.
- Karlsdóttir A., Jungsberg L. (2015). *Nordic Arctic Youth Future Perspectives*. Nordregio.
- Kinket B., Verkuyten M. (1997). Levels of ethnic self-identification and social context. *Social Psychology Quarterly*, 338–354.
- Larsen J.N., Fondahl G. (ed.) (2015). *Arctic human development report: Regional processes and global linkages*. Nordic Council of Ministers.
- Lehti V. et al. (2009). Mental health, substance use and suicidal behaviour among young indigenous people in the Arctic: A systematic review. *Social Science & Medicine*, 69 (8), 1194–1203.
- Nilsson A.E. et al. (2021). Towards improved participatory scenario methodologies in the Arctic. *Polar Geography*, 44 (2), 75–89.
- Rozanova-Smith M. (2021). Stay or leave? Arctic Youth Prospects and Sustainable Futures of the Russian Arctic Communities. *Sustainability*, 13 (21).
- Strandsbjerg J. (2012). Cartopolitics, geopolitics and boundaries in the Arctic. *Geopolitics*, 17 (4), 818–842.
- Tyyskä V. (2017). *Conceptualizing and theorizing youth: Global perspectives*. *Contemporary Youth Research*. Routledge, 19–30.
- Utgargasheva O. et al. (2014). Arctic indigenous youth resilience and vulnerability: Comparative analysis of adolescent experiences across five circumpolar communities. *Transcultural Psychiatry*, 51(5), 735–756.
- Walker-Harding L. R. et al. (2017). Young adult health and well-being: A position statement of the Society for Adolescent Health and Medicine. *Journal of Adolescent Health*, 60 (6), 758–759.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михаил Андреевич Уксусов – ассистент кафедры, Мурманский арктический государственный университет (Российская Федерация, 183038, г. Мурманск, ул. Капитана Егорова, д. 16; e-mail: mixail9693@mail.ru)

Uksusov M.A.

THE ARCTIC YOUTH – A CATEGORY OF DISCOURSE, STATISTICS, AND IDENTITY

The phenomenon of the Arctic youth has recently attracted more and more attention from the entire circumpolar world, which is reflected in the promotion of various initiatives and projects to develop youth potential and human capital in the northern latitudes. One of the most recent such initiatives was the inclusion of the “The Arctic Youth” thematic cluster in the program of Russia’s chairmanship of the Arctic Council in 2021–2023. Nevertheless, social realities in the form of migration, professional and value-based attitudes among the Arctic youth indicate that these initiatives are not always effective. The reasons for this may be the lack of understanding of who the

Arctic youth is and how to implement policies and activities for social support for youth in the Polar regions in a purposeful and meaningful way. The research is devoted to the logical and philosophical systematization of knowledge about the Arctic youth and information from discourse analysis of mainly academic sources on the relevant topic in the form of the development of the category of the Arctic youth as a socio-group community by means of system-categorical methodology. We conclude that the expediency of considering the phenomenon of the Arctic youth in terms of a socio-group community as opposed to a demographic category, reveal the internal contradiction of the formation of the category of the Arctic youth as a socio-group community, and formulate the content of the model and the corresponding concept of the category of this socio-group community. The study represents the first attempt in the world practice to broadly and holistically understand the social category of the Arctic youth and for the first time applies systemic-categorical methods of analysis to its study.

Youth, Arctic, Arctic youth, socio-group community, society, concept, social group, system-categorical methodology.

REFERENCES

- Baisheva S.M. (2017). Labor potential and young people's employment in the Arctic: Results of field research. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik=North-Eastern Journal of Humanities*, 1, 39–46 (in Russian).
- Belyi O.I. (2012). Definition of "youth" concept. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya=Theory and Practice of Social Development*, 12, 156–158 (in Russian).
- Blinnikova O.N. (2020). Innovative activities are an important direction of young people policy in the Arctic region's development. *Arktika: innovatsionnye tekhnologii, kadry, turizm=The Arctic: Innovative Technologies, Human Resources, Tourism*, 1, 538–540 (in Russian).
- Bolotova A., Karaseva A., Vasilyeva V. (2017). Mobility and sense of place among youth in the Russian Arctic. *Sibirica*, 16(3), 77–123.
- Bystryantsev S.B. (2015). Towards the definition of territorial social community. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii=Theory and Practice of Service: Economics, Social Sphere, Technology*, 2(24), 19–26 (in Russian).
- Filippova D.N. (2020a). To the arctic identity students of Arctic universities. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika=Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 6, 73–79 (in Russian).
- Filippova D.N. (2020b). The value attitude to the Arctic of the Arctic university students. *Rossiiskii ekonomicheskii vestnik=Russian Economic Bulletin*, 3(3), 274–279 (in Russian).
- Golenkova Z.T., Khagurov T.A. (2022). Regional youth in a nonlinear global-local society: New forms of social tension. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya=RUDN Journal of Sociology*, 22(2), 291–305 (in Russian).
- Gorokhov V.F., Vasneva N.N. (2014). On correlation of categories "social unity" and "social group". *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki=Tambov University Review. Series: Humanities*, 4(132), 12–21 (in Russian).
- Gulyaeva N.S. (2019). Promoting young people's local employment in the development of creative industries. *Issledovanie sovremennykh problem obshchestva v kontekste zadach sotsial'noi raboty i sotsial'noi bezopasnosti=Study of Modern Society Problems in the Context of Social Work and Social Security Tasks*, 202–205 (in Russian).
- Gushchina I.A. (2018). Social well-being of young people in the Arctic region as an indicator of sustainable development of the territorial community. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya=Economics and Management: Problems, Solutions*, 6(9), 20–27 (in Russian).
- Han J.M., Kim J.H., Yi J.H. (2020). Definition of Arctic spaces based on physical and human geographical division. *KMI International Journal of Maritime Affairs and Fisheries*, 12(1), 1–16. DOI: 10.54007/ijmaf.2020.12.1.1
- Il'in V.I. (2004). A product as a social construct. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy=Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*, 2 (in Russian).
- Ivanova M.V. (2016). Current issues in the Arctic workforce development. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka=The North and the Market Forming the Economic Order*, 2, 46–61 (in Russian).

- Ivanova M.V. (2017). Contemporary preconditions for the future of the Arctic labor resources. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 6(142), 180–198 (in Russian).
- Jokela T., Coutts G., Beer R., Usenyuk-Kravchuc S., Din H., Huhmarniemi M. (2021). The potential of art and design for renewable economies in the Arctic. *Renewable Economies in the Arctic*, 62–80.
- Karlsdóttir A., Jungsberg L. (2015). Nordic Arctic youth future perspectives. *Nordregio*.
- Kharlamp'eva N.K. (2014). Evolution of the concept “the Arctic”. *Prirodnye resursy Arktiki i Subarktiki=Arctic and Subarctic Natural Resources*, 3(75), 5–8 (in Russian).
- Kinnet B., Verkuyten M. (1997). Levels of ethnic self-identification and social context. *Social Psychology Quarterly*, 338–354.
- Kirgizov-Barskii A.V. (2021). Contemporary issues of international cooperation in the Arctic. *Rossiiskaya Arktika=Russian Arctic*, 2(13), 118–128 (in Russian).
- Kirsanov K.A., Popova S.A. (2020). The Arctic as a territory of harsh interactions of different civilizations: Problems of confrontation in the conditions of formation of a multipolar world. *Vestnik Instituta mirovykh tsivilizatsii=Bulletin of the Institute of World Civilizations*, 11(1), 36–40 (in Russian).
- Kozlov A.V., Rytova E.V. (2014). Small business role in socio-economic development of Russian Arctic zone. *Strategicheskie priority razvitiya rossiiskoi Arktiki=Strategic Priorities for the Development of the Russian Arctic*, 231–252 (in Russian).
- Kuznetsov G.S., Rogachev I.V., Shubin S.I. (2017). The youth forum “Model Arctic Council”. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki=Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*, 1, 146–151 (in Russian).
- Larsen J.N., Fondahl G. (Eds.). (2015). *Arctic Human Development Report: Regional Processes and Global Linkages*. Nordic Council of Ministers.
- Lehti V. et al. (2009). Mental health, substance use and suicidal behaviour among young indigenous people in the Arctic: A systematic review. *Social Science & Medicine*, 69(8), 1194–1203.
- Lukina V.B. (2019). Forming and supporting the development of the creative personality of youth in the Arctic is a state policy and the need of society. *Bol'shaya Evraziya: Razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo=Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation*, 2-2, 713–714 (in Russian).
- Maksimova D.D. (2020). Sustainable development of Arctic: Challenges and prospects. *Arktika 2035: Aktual'nye voprosy, problemy, resheniya=Arctic 2035: Current Issues, Problems, Solutions*, 2, 30–37 (in Russian).
- Nedoseka E.V., Sharova E.N. (2020). Features of youth's life strategies in the Arctic. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3(157), 355–375 (in Russian).
- Nilsson A.E. et al. (2021). Towards improved participatory scenario methodologies in the Arctic. *Polar Geography*, 44(2), 75–89.
- Oglezneva T.N. (2022). On the prospects for the training of skilled labor resources in the Arctic regions of Russia. *Arktika XXI vek. Gumanitarnye nauki=Arctic. XXI Century. Humanitarian Sciences*, 1(27), 14–23 (in Russian).
- Osipova O.V. (2014). Acculturation strategies for the Arctic youth. *Severo-Vostochnyi humanitarnyi vestnik=North-Eastern Journal of Humanities*, 54–59 (in Russian).
- Osipova O.V., Maklashova E.G. (2015). Ethnic identities of Arctic youth. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 5, 139–144 (in Russian).
- Radchenko A.F. (2012). Youth and its age indicators. *Sotsiologiya vlasti=Sociology of Power*, 3, 19–29 (in Russian).
- Romanova V.Yu. (2015). Innovation potential of the youth of the republic of Sakha (Yakutia). *Problemy sovremennoi ekonomiki=Problems of Modern Economics*, 26 (in Russian).
- Rozanova-Smith M. (2021). Stay or leave? Arctic youth prospects and sustainable futures of the Russian Arctic communities. *Sustainability*, 13(21).
- Sidorenkov A.V., Sidorenkova I.I. (2016). The concept of a small group and a team. *Liderstvo i malaya grupa=Leadership and the Small Group*, 6–19 (in Russian).
- Simakova A.V. (2019). Youth migratory intentions in Arctic industrial cities. *Perspektivy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya prigranichnykh regionov=Prospects for Socio-Economic Development of Border Regions*, 26, 322 (in Russian).

- Speranskaya N.I., Yatsevich O.E., Kovalevskaya S.A. (2018). Cluster of Arctic terms: From etymology to semantics. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie=The Humanities and Education*, 162–167 (in Russian).
- Statsenko E.R. (2017). Arctic youth: Future, professions, initiatives. *Aktual'nye voprosy obrazovaniya v XXI veke=Actual Issues of Education in the 21st Century*, 150–153 (in Russian).
- Stepus' I.S., Simakova A.V. (2018). Migration flows of higher-ed graduates to work in the Arctic zone of Russia: Quantitative and qualitative aspects. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika=Regional Economics: Theory and Practice*, 16, 10(457), 1872–1887 (in Russian).
- Strandsbjerg J. (2012). Cartopolitics, geopolitics and boundaries in the Arctic. *Geopolitics*, 17(4), 818–842.
- Tyyskä V. (2017). Conceptualizing and theorizing youth: Global perspectives. In: *Contemporary Youth Research*. Routledge.
- Ulturgasheva O. et al. (2014). Arctic indigenous youth resilience and vulnerability: Comparative analysis of adolescent experiences across five circumpolar communities. *Transcultural Psychiatry*, 51(5), 735–756.
- Usynina N.I. (2013). Definition of concept of “youth”. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya “Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika”=Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 1, 26–28 (in Russian).
- Utkova M.A. (2020). Designing measures of the system of ecological and economic security in development of the Arctic region. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava=Journal of the Altai Academy of Economics and Law*, 3, 115–120 (in Russian).
- Vasil'eva O.V. (2018). Values and life strategies of young people in the Arctic (based on the materials of the Republic of Sakha (Yakutia). In: *Arktika i Sever v sovremennykh gumanitarnykh issledovaniyakh: sbornik nauchnykh statei* [The Arctic and the North in Current Humanitarian Research. The Collection of Research Articles] (in Russian).
- Walker-Harding L.R. et al. (2017). Young adult health and well-being: A position statement of the society for adolescent health and medicine. *Journal of Adolescent Health*, 60(6), 758–759.
- Zagrebin V.V. (2014). Approaches to “youth” category definition. *Kontsept*, 2, 26–30 (in Russian).
- Zhel'nina Z.Yu., Tereshchenko N. V. (2019). Motivation and cultural stereotypes as development factors of Arctic tourism. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura=Society: Philosophy, History, Culture*, 2(58) (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail A. Uksusov – department assistant, Murmansk Arctic State University (15, Captain Egorov Street, Murmansk, 183038, Russian Federation; e-mail: Mixail9693@mail.ru)